Кристина
ЮРАШ
16+
ИСКУШЕНИЕ
из правил

Кристина Юраш

Искушение из правил

«Автор»

2020

Юраш К. Ю.

Искушение из правил / К. Ю. Юраш — «Автор», 2020

Это чудовище похитило мою дочь! А мне теперь предстоит блуждать по миру кошмаров и ужаса, чтобы отыскать его дворец и забрать свою малышку. Да, мы с ней не всегда находили общий язык, но это вовсе не значит, что я - плохая мать! Чудовище запутывает дороги, является ко мне, шутит и соблазняет. Почему он не отдает мне моего ребенка?

© Юраш К. Ю., 2020
© Автор, 2020

Содержание

Пролог. Всадница без головы 5
Глава первая. Поцелуй меня в тыкву! 10
Глава вторая. Здравствуй ужас, я – кошмар! 14
Глава третья. Дорогой, это ты? 18
Глава четвертая. Давай разделимся! 22
Глава пятая. Ваше Страхейшество 26
Глава шестая. Граф Ахула 30
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Кристина Юраш
Искушение из правил

Пролог. Всадница без головы

Есть верные признаки, что наступила настоящая осень. Запоминайте. Голые маньяки в парке сто раз подумают, прежде, чем распахивать плащи. Вид «сосульки» вызывает у прохожих уже не панику и стыд, а сочувствие и грусть. Лужи по колено и сопли до колена почти встретились. А клин богатеньких знакомых улетает в теплые края.

Дорога шуршала под колесами. Я ехала из деревни, везя домой свою пятилетнюю принцессу Нюшу.

– Свет мой зеркальце, скажи! Да всю правду доложи, – пробурчала я, глядя в боковое зеркало. – Кто тут хочет проскочить. Поворотник не включить?

Мне же зеркальце в ответ. «За тобой машинки нет»!

Трасса была пустой. Погода – промозглой . Настроение кислым.

На заднем сидении елозил откормленный, гиперактивный хомячок, способный довести до инсульта даже крокодила.

– Ма, а когда мы исе поедем к баушке? – интересовалась пухленькая принцесса, отъевшаяся на блинчиках с вареньем и прочих вкусностях.

Все зло от добрых бабушек! После бабушек привести ребенка в чувство невозможно. Проще родить нового. А этого отдать бабушке навсегда. Для дальнейшего «балования».

Это нас мамы караулили с секундомером, кормили по расписанию, выгуливали на моральном поводке: «Быстро иди домой!». Нас ругали за каждую провинность. На нас смотрели строго и грозили пальцем.

А потом кто-то подменил твою строгую и требовательную маму.

И вместо нее появилась добрая бабушка.

Бабушка постигла древнее искусство потакания «уси-пуси» и откликалась на японское имя «Бахосю».

Из детского лепета на заднем сидении я поняла. Нюша очень будет скучать по кошечке. Даже больше, чем скучала по мне. Я была тронута до глубины души.

Ну еще бы! На маме сильно не прокатишься! Маме хвост фломастерами не разукрасишь. А кошке можно! Бабушка разрешила. Мне не разрешала гладить кошку. А тут разрешила!

Кошка была несказанно рада нашему отъезду. Вы бы видели ее глаза. В них за этот беспросветный месяц впервые промелькнула надежда.

Еще бы! Она больше не пони. И даже не единорог. Ей не придется перевозить кукол на спине. Игрушечному принцу придется искать принцессу пешком. И больше не будет расстроенного детского голоса: «Принцесса не в этой стороне! Мурка, скачи к принцессе!».

Кошка честно обещала не дожить до следующего «Ба! Я плиехала!». И мне было перед ней стыдно.

– А потом поняшка плыгала и спасала плинцессу… – перечислял комок неуемной детской энергии. – И застляла за диваном. Я ее шваблой вытасила! И за хвост! И плинца она улонила! Я ее лугала!

Я внимательно смотрела на дорогу. И краем уха слушала детский лепет.

Десять минут назад я узнала про других детей в деревне. Маша, которая ест козявки, Дима, который надувал лягушку и Саша, у которого на попе шрам. Меня обещали с ними познакомить. Но мне казалось, что я знаю об этих людях больше, чем их родные.

По радио передавали гороскоп на неделю. Бодрый голос диктора обещал мне скорую неземную любовь и скорое свидание. Сегодня мне рекомендовали не выходить из дома. И отключить телефон с интернетом.

Из гороскопа следует, что нормальный мужик завелся у меня дома. Просто носа не кажет. Прячется. И следит за мной. Астрологи иногда умеют угрожать не хуже маньяков.

Мои руки крепко держали руль. Ничто не отвлекало меня от езды, кроме мыслей о том, что месяц у бабушки отлично обнуляет логопедов и занятия с мамой.

Если месяц назад я привезла маленького профессора с абсолютно четкой дикцией. То забирала я маленькую Маугли, разучившуюся читать, писать и забывшую алфавит.

– Мама, волососины глязные! – выдал писклявый голос. В зеркале заднего вида мелькнула детская попа. – А мы купим мне бульдонку? Какубашки?

Таинственный «какубашка» не раз мелькал в разговоре. Я честно не помнила такой нечисти. Барабашку знаю. А какубашку нет.

– Какубашки ибись бульдонка! – слышался писклявый голосок с заднего сидения.

Теперь я знала про личную жизнь таинственного «какубашки».У «какубашки» она есть. Мне еще предстояло догадаться, что это значит. Но сейчас я слишком устала, чтобы заниматься литературными переводами.

– Милая, – на всякий случай ответила я. – Мы не купим бульдога. Быстро застегни ремень! Я кому сказала!

– Не бульдога, а бульдонку! – требовала Нюша, демонстрируя миру свое гиперактивное шило.

Если у ребенка в попе шило, то следите, чтобы оно не мерзло. Я на всякий случай проверила рукой, не замерзло ли наше шило. Не замерзло и не промокло.

– А когда мы плиедем? – наседали на меня. – А мы уже плиехали?

– Нет, еще не приехали, – следила я за дорогой. – Посиди спокойно. Пристегни ремень. Посмотри в окошечко. Где телефон с мультиками? Вот и включай! Или давай займемся буквами? Ну-ка! Первая буква у нас какая?

– Умм, – обиделась Нюша.

– Первая буква «А»! – продолжала я. Через пять минут Нюша убедилась, что мама помнит алфавит. И этого ей оказалось достаточно.

На дороге собирался туман. Я немного напряглась, не сводя глаз с дороги. Прямо как в фильме ужасов. Мне пришлось немного сбавить скорость.

На заднем сидении что-то шуршало. И кто-то чавкал. Бабушка все-таки положила целый пакетище еды на дорожку. Такое чувство, словно мы собираемся пересечь пол мира. Я еще на выходе отбивалась. Говорила, что не стоит. Но мне усиленно всучивали этот пакет. Потому, что ребенок умрет от голода. За два часа предстоящей дороги.

Нюша всегда была гиперактивным ребенком. Просто море неуемной энергии.

– Лянь! Я – поня-я-я-шка!!! – внезапно в лицо прилетел мне рисунок, заслонив дорогу.

Сердце ушло в пятки. Я резко ударила по тормозам. «Стой-стой-стой!», – шептала я, перепуганным голосом, пытаясь отмахнуться от рисунка. Но мне его упорно тыкали в лицо. Машина потеряла управление. Нас развернуло на мокрой дороге.

В тумане мелькнуло что-то огромное, черное. Раздался глухой удар. Я дернулась на ремнях и выдохнула, когда машина встала, скатившись одним колесом на обочину.

Мамочки… Ой, мамочки! Меня все еще трясло. Туман застилал фары, клубясь, словно в фильме ужасов. Пустая дорога, туман, а вокруг лес.

Я все еще не могла поверить, что мы стоим на месте.

– Нюша! – строго произнесла дрожащим голосом я, пытаясь прийти в себя. – Ты с ума сошла? Сколько раз я тебе говорила, что нельзя так делать?!!

Ничего себе! Обошлось!

– Нюша! Я к тебе обращаюсь! Сколько раз я говорила тебе, чтобы ты так не делала! Мы могли умереть! – вспылила я, теряя над собой контроль.

Руки тряслись. Нервные клетки массово подавали рапорт на увольнение из нервной системы. Мы только что чуть не погибли!

– Мама меня ударила! – обиделась Нюша, показывая свою руку. – Мама меня не любит!

– Я не ударила тебя. Просто нельзя заслонять маме дорогу! Я тебе сколько раз об этом говорила! – возмущалась я, повернувшись на заднее сидение. – Мама тебя любит!

– Неправда! – обиделась Нюша.

– Телефон мой сюда дай, – потребовала я.

Мне отдали мой телефон «с мультиками». Батарея издала предсмертный писк и тихо скончалась в моих руках.

– Плохо, – засопела я, пытаясь снова завести машину. Морда машины была всмятку.

Где-то я уже видела что-то похожее… Например, в фильме ужасов. Машина заглохла на дороге в безлюдном месте. Наивные любители приключений на собственные попы дружно вываливаются из нее, чтобы проверить наличие маньяков и чудовищ.

– Не паникуй, – сказала я себе, глядя на туман. – Все хорошо. Просто заглохли. Видимо, перегрелись…

Нюша ползала по заднему сидению и заглядывала в окна.

– Сиди в машине, – строго потребовала я, открывая двери. – Поняла меня?

– Угу, – ответило мне маленькое исчадье бабушкиного воспитания.

Я осторожно вышла в туман, посмотрела на перед машины и…

На меня набросились возможные ценники на ремонт. Я поежилась. А лучше бы чудовище, ей богу!

В кустах по соседству послышался шорох. Я замерла, глядя на кусты. По попе пробежали трусливые мурашки.

– Кто здесь? – задала я самый банальный вопрос. Попа сжалась в ожидании. Не уверена, что хочу услышать ответ.

«Здравствуйте, я чудовище! Не подскажете, когда вы в последний раз принимали душ? Понимаете, я хочу вас съесть, а мама учила мыть жертву перед едой!», – пронеслось у меня в голове, когда кусты снова жутковато зашуршали.

Бррр! Я мысленно писала завещание, тихонько пробираясь к двери. Жизнь промелькнула перед глазами. Дрожащей рукой я пыталась нащупать ручку двери, тревожно глядя на кусты.

По жизни я – жуткая трусиха. И в совершенстве постигла искусство смотреть фильмы ужасов с закрытыми глазами.

Воображение уже занялось скрещиванием крокодила и обезьяны. Пока что животные не хотели «скрещиваться». Наверное, потому что это были два самца. Но, возможно, были и другие причины.

– Здесь кто-нибудь есть? – нервно выдала я, поджав губы. Мои глаза уставились в сторону кустов.

В ответ прозвучала тишина. И сопение. Кто-то явно готовился к роковому прыжку. Я же в свою очередь готовилась предсмертно пискнуть.

– Уфты-уфты-уфты, – послышалось из жутких кустов. Я приготовилась умирать. Бесславно и трусливо. Даже глаза зажмурила. Сейчас оно как бросится на меня! Как съест!

– Уфты-фуфты, – слышалось сопение. Я приоткрыла глаза. На дорогу выбежал ежик. И побежал по своим ежиным делам, скрываясь в тумане.

– Уффффф! – выдала я, утирая пот со лба.

Дверь машины открылась. Оттуда резво выскочила Нюша.

– Так, а ты куда? – занервничала я, пытаясь поймать ребенка. – Быстро вернись в машину! Не ребенок, а наказанье! В машину! Живо! Нюша!!! Я тебя сейчас накажу! Не доводи маму! Марш в машину!

– Ты мя не любишь! – обиженно выдала Нюша, от души хлопнув дверью. – Я к баушке!

Капризная принцесса дернула в сторону кустов. Я бросилась за ней, на ходу вспоминая, что не поставила машину на аварийную сигнализацию.

– Нюша! А ну быстро вернись! Я кому сказала! Нюша! – звала я, мчась за ней по лесу.

И тут я споткнулась о корягу и упала в чью-то какашку.

Судя по запаху и размерам, я буду очень богата. У меня появится карманный олигарх или принц на белом коне. А может престарелая сорокоюродная тетушка на последнем издыхании уже подписывает завещание на мое имя?

Вскочив на ноги, вытирая лицо, я бросилась бежать туда, откуда слышался шорох.

Я выбежала на берег огромного озера. По водной глади стелился туман. Пейзаж выглядел зловеще и неуютно. Вокруг царила настораживающая звенящая тишина.

– Нюша! Вернись! – я опасливо пробиралась вдоль берега, высматривая знакомое пальтишко.

Я очень боюсь воды. Поэтому не испытываю радости при виде дырок в земле разной степени солености. И тут я увидела знакомое пальто.

Мама совершила героический рывок. И поймала ребенка за руку.

– Ты почему себя так ведешь? Я спрашиваю!

Мама была строга, как никогда!

– Поняшка!!! – тыкала пальцем Нюша в сторону зарослей. Я обернулась и увидела изумительной красоты белоснежного коня. Он выглядел просто сказочно и невероятно. Среди унылого леса, в промозглом тумане.

Но почему-то в этот момент у меня по телу пробежал жуткий холодок.

– Давай ее заберем домой! Ей холодно! – послышался требовательный голосок. Детская ручка пыталась вырваться из моей руки.

Я смотрела на коня. Конь смотрел на меня голубыми глазами с горизонтальным зрачком.

– Мама уже согласилась на морскую свиноферму! – нервно ответила я, уводя ребенка. – И кто за ним убирать будет? У нас квартира однокомнатная! На балконе он не поместится!

– Хочу коняшку! – нудила Нюша, протягивая руки к белоснежной лошадке.

– И лопату, чтобы за ней какашки убирать! – соглашалась я, чувствуя необъяснимую тревогу.

Белая лошадь стояла и смотрела на нас. Я не могла понять, что меня смущало. То, что у лошади морда была в крови? Или то, что возле левого копыта в траве лежал растерзанный и очень знакомый ежик.

– Мама! А что? Коняшки едят езиков? – удивилась Нюша, которая тоже заметила колючий трупик на траве.

Быстрее… Уходим быстрее отсюда… Мне не нравится это место! И лошадь тоже! Она мне совсем не нравится. Очень неправильная лошадь!

– Т-т-только в рамках самообороны! Ежик напал на лошадку и… – мой язык заплетался, а руки тряслись. – Так бывает в дикой природе!

Конь смотрел на меня так, словно поедание ежика – не самое страшное, за чем мы могли его застать. Мы отходили осторожно. Почти пятились. Нюша тянула меня в сторону коня. Я тащила ее обратно к машине.

Внезапно конь поджал ноги и лег на траву. И все это не сводя с нас глаз. Он словно приглашал сесть и прокатиться.

– Видишь, лошадка болеет! – убеждала я Нюшу. – Совсем старенькая… Видишь, легла? Не будем ее трогать. И пойдем отсюда! А может, она устала! И хочет спатеньки!

– Нет! – топнула ногой маленькая вредина. – Она предлагает покататься! Я у баушки каталась!

Я честно обещала порвать бабушку на много маленьких бабушек. Нет, ну что это за ерунда! Мне еще месяц приводить Нюшу в чувство!

– Что значит «нет»! – возмутилась я, осторожно двигаясь боком вдоль озера. – Нюша у нас непослушная! А непослушная дочь мне не нужна!

Может, хоть это сработает? Я уже не знаю, что делать.

Конь лежал на влажной траве. И смотрел на меня пристально. По его гриве стекала ручьями вода, словно он только что купался. Голубой глаз с горизонтальным зрачком внимательно смотрел на меня. Туман обволакивал все вокруг. Зловещими клоками он повис на сырых черных ветках.

Откуда здесь лошадь? Ума не приложу? И почему вокруг так жутко тихо?

Маленькая ладошка вырвалась из моей руки. Нюша бросилась к коню.

– Стоять! – закричала я.

Нюша ловко взобралась на спину. Конь лежал ровно. Даже не дернулся. И пристально продолжал смотреть на меня. Он что? Предложил прокатиться? Спасибо, не надо!

– Ну все, – выдохнула я с облегчением от того, что ничего не случилось. – Пойдем! Слезай!

Я вложила в голос всю строгость, на которую была способна.

– Поняшка! Коняшка! – радовалась Нюша, пока я подходила ближе, чтобы снять ее и увести подальше от этого жуткого озера и странной лошади.

– А ну быстро слезь! – потребовала я, видя, как конь медленно встает. Он вставал, продолжая пристально смотреть на меня. Один глаз его был прикрыт гривой челки. Во втором стояли слезы. Мне казалось, или он плакал? Впервые в жизни я видела, как плачут лошади… В глазе с поперечным зрачком отражалась я в грязном пальто.

– Не могу! – послышался испуганный голос Нюши. Как не может? Высоко?

Я дернулась и бросилась к дочери, пытаясь снять ее. Но она, словно прилипла! Белый конь заржал. Белая краска стекала с него ручьями, обнажая черноту.

– Мамочка! – перепугалась Нюша, пытаясь слезть сама. Она подняла руку, а за рукой потянулось что-то черное, похожее на смолу.

Черный конь оскалился жуткими окровавленными клыками и завыл по волчьи. Я не поверила своим глазам, остолбенев на мгновенье от ужаса.

– Нюша! – закричала я, видя, как с коня стекает что-то похожее на черную грязь.

– Мама! – запищала Нюша. Я видела ее испуганные глаза. – Мамочка!

Конь дернулся вперед, бросаясь к воде. Грива ударила в лицо визжащей Нюше. Я прильнула к коню грудью, пытаясь снять с него ребенка. По моей груди растекалось что-то похожее на смолу.

– Отдай грудь и ребенка! – возмущалась я.

Брызги холодной воды летели во все стороны. Меня тащило вслед за жуткой лошадью прямо в озеро. Через мгновенье, я почувствовала, как мы уходим под воду. Я барахталась, пытаясь вырваться. И найти среди пузырьков воды руку моей дочки.

Глаз коня под водой хищно сверкнул. Грудь сдавило, легкие горели. Я отключилась.

Глава первая. Поцелуй меня в тыкву!

Очнулась я внезапно. Дрожа от холода и шмыгая носом. Я лежала на травке в позе «девушка хочет замуж». Немного придя в себя, я попыталась встать. Перевернувшись и опершись на землю, я собиралась с духом. Но пока что дальше позы «девушка очень хочет замуж» встать не получалось.

Я подняла глаза, видя чьи-то ноги в сапогах. Судя по размеру ноги, он смело может протаптывать тропку. Сапоги были мокрыми. На них застыли капельки воды. Дальше следовали мокрые штаны и мокрая белая рубаха. На меня смотрел мужик с мокрыми волосами.

Сами волосы были черные с зеленоватым отливом. С них ручьями стекала вода. На плечах лежал мокрый плащ.

Воображение сразу нарисовало акт моего героического спасения. Я пыталась отдышаться, кашляя водичкой. Нужно было сказать что-то хорошее своему спасителю. На улице не май месяц. Не каждый мужик будет нырять за тобой в холодную воду. Мозги соображали плохо. Они даже не помнили, на кой черт я полезла купаться?

– Ну, – послышался голос надо мной. – Что скажешь?

– Эм… – я пыталась быстро сообразить, трясясь от холода.

Что ему сказать? Он как бы меня спас.

– Спасибо, – икнула я тиной. Я еще не пришла в себя, но уже собиралась. Бррр! Что вообще произошло?

Я была уверена, что возраст, когда просыпаешься с вопросом «Где я? С кем я?», у меня уже прошел.

– Ничего не хочешь мне сказать? – послышался голос надо мной. Видимо, слова «спасибо», ему было недостаточно.

– У вас красивые сапоги… – шмыгнула я носом, сплевывая тину. – У меня тоже было похожие. Только с бантиком… Классная модель!

– И все? – снова произнес голос. Судя по интонациям, мужик был явно недоволен.

Зато мне удалось встать, пошатываясь и осматриваясь по сторонам. Вокруг меня царила ночь. Осенние золотые деревья, казалось, светились в темноте. Из черных дупел на меня смотрели красные глаза. Корявые ветки угрожающе скрипели, словно деревья размахивали руками.

– Погоди, – выдохнула я, тряся головой. – Одну минуту…

Я полезла в карман пальто, в котором лежал кошелек. Щелкнув застежкой, я достала мокрую купюру и вложила в бледную руку мужика.

– Большое спасибо, – торжественно заявила я. Мамочки, что с головой? Кто-нибудь, мне скажет, что случилось? В голове смешались в кучу кони, люди и…

– Так! – прокашлялась я, осматриваясь по сторонам. «Мама! Мамочка!», – пищал в голове голос Нюши. Я смотрела на свою сжатую руку, в которой лежал маленький детский браслетик.

– Слышишь, принц, – кашляла я. – Где конь? Где конь и мой ребенок? Нюша!!! Нюша!!!

– Ты не должна была попасть в это место, – послышался голос за моей спиной.

– Тоже мне, артиллерист! Попасть – не попасть! – я пыталась выжать рукав своего пальто. «Мамочка!», – звенел в голове голос дочери. Я вспоминала ее бледную руку.

– Возвращайся обратно, в свой мир, – произнес мужик, пока я пыталась вспомнить все, что произошло. – Тебе здесь не место.

– Где мой ребенок! – спросила я, оборачиваясь на незнакомца. – Вы не видели тут лошадь с ребенком? Девочкой? Девочка орет, лошадь линяет!

– Ты больше ее не увидишь. Никогда, – произнес незнакомец. Я присмотрелась к его глазам. Немного повернув голову, я застыла. Волосы напоминали роскошную черную гриву. А на меня смотрел красивый нежно- голубой глаз. Пока второй был прикрыт челкой.

– Где мой ребенок? – задохнулась я, вспоминая странную лошадку, решившую сожрать ежика в тумане. – Где?!! Отвечай! Что ты с ней сделал?

– Я забрал ее у тебя. Теперь она будет жить здесь. А ты можешь возвращаться в свой мир, – меня тащили к озеру.

– Отпусти, Герасим! – сопротивлялась я. Мне удалось вырваться и упасть на ворох осенних листьев.

Листья взлетели в воздух. Лес тревожно зашумел.

– Иногда границы между мирами истончаются,– со странной улыбкой произнес незнакомец. – И тогда в ваш мир приходим мы… Нечисть не может иметь детей друг от друга. Но от смертной, вполне. И когда ребенок подрастает. Мы приходим за ним. И забираем его в этот мир. Мир, которому он принадлежит. Это все, что нужно тебе знать. А теперь, возвращайся! Тебе здесь не место! Ты не принадлежишь этому миру.

– Слышишь, конь в пальто! – я сжала кулаки и сплюнула мокрую прядь. – Верни моего ребенка! Быстро! Я без нее не вернусь! Это какая-то ошибка! Я не помню тебя голым! Если ты мой бывший муж, то где твои носки! Почему они не стоят рядом с тобой? Где твоя мамаша с дельными советами?

Я чувствовала, как негодую. Это какая-то ошибка!

– Где алименты за четыре года? – прокашлялась я, надеясь, что меня поймут. – Мужик, послушай! Это – ошибка! Она у меня, скорее Козловна. Чем Коневна!

– Алименты? Это что? – произнес «конь в пальто».

– А вот теперь ты очень напоминаешь моего бывшего! – вздохнула я, звонко чихая. – Он тоже так спросил! Деньги на ребенка!

– Поздно. Она теперь мой ребенок, – послышался голос незнакомца. Внезапно его глаза сверкнули. – Но если ты хочешь денег, то возьми…

Незнакомец протянул мне сверкающее ожерелье. Я посмотрела на ожерелье в его руке. И на улыбку. «Бери! Не стесняйся!», – шептали губы незнакомца. Камни сверкали так красиво, что я на мгновенье забыла обо всем на свете.

– Не бери! – послышался скрипучий голос. – Так ты потеряешь ребенка навсегда! Если хочешь вернуть его обратно, сделай так, чтобы она тебя вспомнила!

Я отшатнулась. Ожерелье превратилось в прах и рассыпалось в чужой руке.

– Обманщик, – выдохнула я, глядя на черный пепел.

– Жаль… Нечисть всегда обманывает смертных. Вы так наивны и глупы. Обмануть вас проще простого, – широко улыбнулась нечисть, отряхивая руки. – Я не устаю благодарить вас за глупость. Если бы не вы, мы бы умерли с голоду!

Бррр! Я поежилась, глядя на волчьи клыки, которые тут же спрятали.

– Кто это сказал? – медленно произнесло чудовище, поворачиваясь в сторону. – Кто посмел?!!

Я на всякий случай отшатнулась, глядя на то, как его волосы поднимаются в верх, словно снизу на них дует невидимый фен.

– Я спрашиваю вас! Кто посмел! – чудовище процедило сквозь зубы, а его голубые глаза сверкнули мертвым огнем. В одном дупле что-то трусливо моргнуло.

Незнакомец выставил вперед руку, а через мгновенье от дерева остался один обгоревший пенек. Стаи черных ворон поднялись в ночное небо и истошно заорали.

Светящиеся красным светом глаза в дуплах расширились. Мрачные деревья скосились на соседский пенек. И сделали вид, что так оно и было.

– Я, как правитель Чарующего Леса, вас предупреждал! – кулак с тьмой сжался. – Каждый, кто посмеет ослушаться, будет уничтожен. Это касается всех!

Деревья сжались, ветер стих. Кто-то из дупла заморгал так, словно красавица на свидании с олигархом.

Значит, Нюша меня не помнит… Это плохо! Неужели это все правда? Что-то мне с трудом в это верится.

– О, властелин буратин, – прокашлялась я, понимая, что терять мне уже нечего. Самое главное я уже потеряла. – А теперь давай на чистоту. Нюша у меня – гиперактивный ребенок. Поясняю, для тех, кто в волшебном лесу. Если от твоего… эм… дворца, замка…. Эм… дупла… не важно, останется три камушка, вспомни, что я тебя предупреждала. У нас трех потенциальных пап Нюша довела до состояния чайлдфри. Так что пока ты здесь, там, в твоем… замке-дворце-дупле происходят воистину ужасные вещи…

На меня смотрели странным взглядом. Но молчали. Не пронимает? Странно!

– Короче, если ты недавно поклеил обои, то можешь с ними попрощаться. Надеюсь, ты запомнил их таким, какими они были до Нюши, – спокойно продолжала я, в надежде, что у нечисти проснется здравый смысл. – Если в замке есть что-то с хвостом, то считай, что хвоста уже нет. Самое страшное, что ты можешь услышать это: «Ой, смотри, как я умею!». Если в доме есть что-то целое, доверь это Нюше. Она быстро разберется, что к чему.

Я смотрела на черные волосы похитителя и застывшие в них бриллиантами капельки воды. Если честно, то я уже начинала немного сочувствовать мужику.

«А почему дядя Валера не приходит?», – прозвенел в голове расстроенный детский голос. Я вспомнила мужские ботинки с манной кашей внутри и чужой телефон, который взяли поиграться. Никто же не говорил, что поиграться «в телефоне», а не телефоном? Дядя Валера просто не ожидал, что им будут забивать гвоздик в плинтус. Это было после того, как я лежала в больнице, а Нюшенька сидела с бабушкой.

И вот сейчас я была уверена, что после всего сказанного, мне вернут Нюшу обратно. Еще и проводят домой.

– Ой, а ты знаешь, как она любит лошадок! – продолжала я, идя на женскую хитрость. – Короче, мужик. Тебе конец.

Меня несло по рельсам. Я схватила незнакомца подмышку и стала прогулочным шагом вести его.

– А теперь представь себе! Волки в соседнем лесу воют шепотом, собачки прячутся кто где, кошки притворились дохлыми, цветочки дружно завяли. Это Нюша выходит на прогулку. Кстати, скажу сразу, прикидываться дохлым уже не спасает. Мы растем,– я продолжала действовать мужику на нервы.

Он молчал. Я продолжала.

– Ты понимаешь, что мы едем от бабушки, – я заглянула в чужие глаза и подняла брови. – Еще раз! От ба-буш-ки! Мы там месяц провели! Ферштейн?

На меня смотрели так, словно не видели в моих словах ничего страшного.

– Зачем тебе, такому красивому, молодому ребенок? Тем более, девочка! А? Вот скажи честно? Сначала дай, принеси, смотри, как я умею! Купи! Не хочу! Не буду! Потом переходный возраст. Прыщи, я некрасивая, первая любовь, истерики, хлопанье дверьми и «ты меня не понимаешь!» – продолжала я, описывая мрачные перспективы. – Ну что? Что решил?

– Ты пытаешься меня обмануть? Смертная пытается обмануть меня? – на меня посмотрели выразительно.

– Не пытаюсь, – ответила я, досадуя, что не сработало. – С чего ты взял! Ты думаешь, что я своего ребенка не знаю?

– Ты думаешь что? Я не справлюсь с ребенком? Я стер ей память о тебе. Навсегда. Не хотел тебе говорить, но тут без меня сказали. Я думаю, что мы с ней поладим. С этого момента

она моя принцесса. Принцесса Чарующего Леса, – на меня посмотрели еще выразительней голубые глаза. На губах даже дрогнула улыбка, обнажая плотоядный клычок.

Внезапно вдалеке послышался грохот. Я удивленно подняла брови.

– Дорогой мой, властелин буратин, – я заглянула в глаза этой нечисти с нереализованным отцовским инстинктом. – Только не говори, что ты дал ей магическую силу….

– Ваше величество! – гаркнула ворона, пролетая над нашими головами. – Там башня! Р-р-рухнула! Кар-р-р!

Внезапно он растворился в воздухе, словно его и не было. Я повертела головой, чувствуя, что здесь даже ветра нет. С корявых деревьев осыпались листья. Я была уверена, что мне сейчас вернут мою дочь.

Я постояла, подождала. Сделала круг вокруг грибов. Посидела на пеньке. Поиграла ключами от машины.

Время шло. И с каждой секундой я осознавала две новости. Плохая новость. Я – плохая мать. Я не сумела отбить своего ребенка. Но была и хорошая. Это был первый на моей памяти мужик, который не дрогнул.

Глава вторая. Здравствуй ужас, я – кошмар!

На душе стало тревожно. Я смотрела на мрачноватый осенний лес, все еще не веря в то, что это другой мир, а не сон.

Вряд ли я дождусь моего ребенка! А что если Нюше там плохо? А что если с ней так плохо обращаются? Мало ли!

Тогда нужно идти за ней!

Мысль о том, чтобы идти через этот жуткий лес, наполненный ужасами, заставила поежиться.

«Мама!», – послышался в памяти голос Нюши. Мои глаза наполнились слезами. Как я могла! Это я во всем виновата!

Материнское сердце сжалось, когда я посмотрела в туман, который окутывал деревья у самых корней.

– Так, успокойся! – сказала я себе. – Ты – взрослая женщина. Ты в одиночку вырастила дочь и грудь четвертого размера.

«Третьего с половиной!», – намекнула самооценочка. Я недовольно засопела.

– Я просто округлила! Математику учи! – огрызнулась я, нервно подрагивая при далеких завываниях.

Первый шаг был самым сложным. Воображение разыгралось ни на шутку. Оно рисовало такие ужасы, от которых нервные клетки массово кончали жизнь самоубийством. В какой-то момент промелькнула шальная мысль о том, что не все так радужно с маленькой принцессой.

В сердце защемило, и я сжала кулаки. Я смогу! Я сильная! И в туалет мне сейчас совсем не хочется! Так что можно смело идти вперед!

– Мама найдет тебя, – прошептала я так, словно Нюша была где-то рядом.

Золотые листья осыпались и шелестели под ногами.

Я смогу! – воинственно заявила я. – Мне никакие кошмары не страшны!

Быстрым шагом я шла в направлении, которое мне показалось самым перспективным. Пока что все было вполне неплохо! Красивая и немного волшебная осень радовала глаз.

– Я же мать! – сглатывала я на ходу, шурша листьями. – Меня даже во дворе боятся больше, чем соседского бультерьера!

Конечно, я утрирую, но почему бы и нет? Стоило мне сделать шаг, как все вокруг померкло. Ни одного листочка на деревьях не осталось. Только черные стволы и туман. Из каждого дупла на меня смотрели злобные глаза с прищуром.

Я смотрела на них с таким же подозрительным прищуром. Через двадцать шагов мне попалось дерево с явным косоглазием. Оно тянуло ко мне скрюченные ветки. Но промахивалось.

– Уууу! – шелестел Чарующий лес.

– Аааа! – ежилась я, заглядывая в черные дупла. На всякий случай я обернулась. Все вокруг было одинаковым. Дерево, туман, дерево, туман.

– Это была плохая идея, – сжалась я в комочек.

Я решила идти осторожно. Лес становился все темнее.

– Если очень злой и страшный, – начала я полушепотом. – Монстр схватил тебя и тащит, чтоб терзать тебя зубами, на запчасти разорвать. Не ори и не цепляйся. Не зови других на помощь. Попроси негромко чавкать, чтоб дите не разбудить!

На мгновенье я прислушалась, осторожно ставя ногу на шуршащую листву. За мной кто-то крался.

Мысль о том, что за мной крадется чудовище, заставила меня скосить глаза назад. Где-то туманных зарослях что-то прошуршало.

Я постаралась поставить ногу максимально медленно и аккуратно, чтобы убедиться в своей догадке. Точно! За мной кто-то крадется!

Мои шаги ускорились. Я старалась идти как можно быстрее. Да меня так не один мужик не провожал!

У мужиков и чудовищ есть много общего! Каждый смотрит на тебя, как на анатомию на ножках!

Шорохи за спиной стали отчетливыми. Я резко обернулась, видя, как нечто жуткое, похожее на соседского лысого кота, только раз в пять крупнее, спряталось в зарослях. Глаза его напоминала горящие блюдца. Вид у него был такой жуткий, что я едва не умерла от разрыва сердца.

– Тык-дык! – стучали зубы, пока я набирала скорость. Дороги я уже не разбирала. Нервы не выдержали, и я побежала, петляя между деревьями.

Несколько раз я спотыкалась и падала, чтобы вскочить, как ужаленная. Подлые деревья поднимали корни, а я не всегда успевала их перепрыгивать.

Оно бежит за мной? А если бежит? Что делать? Может на дерево? Я схватилась за сук, пытаясь забраться на дерево. Я висела, как макаронина. При этом пыталась ногами взобраться по черной облетающей коре.

У меня почти получилось. Я подтянулась на руках, чуть не родив Нюше братика или сестричку! Мне мешало пальто. Я скинула его с себя, с ужасом осматриваясь по сторонам. А потом в одном свитере и джинсах стала карабкаться наверх.

Глаза дерева скосились на мою ногу. Я отчаянно цеплялась за скрипучие ветки. Дрожащая рука искала следующую. Где-то в лысых кронах всходила полная луна, похожая на мамины блинчики. В животе заурчало.

На поляну выбежала тварь. Хвост у нее был длинный, крысиный. Он шуршал по листве. Тварь, завидев мое пальто, подняла морду. И стала карабкаться следом.

– Мамочки! – шептала я, пытаясь залезть еще выше. Тварь была уже подо мной. Она цеплялась огромными когтями за дерево.

Я не заметила, что дерево кончилось раньше неприятностей. Тварь почти доползла до меня, глядя на меня жуткими блюдцами глаз. Из пасти капала слюна.

Мы застыли на одном уровне. Я на ветке, тварь – на стволе. «Пожалуйста, не ешь меня!», – мысленно умоляла я, сжавшись в комочек. С жизнью я уже попрощалась.

– Оно еще гонится за нами? Как думаешь? – послышался тихий сиплый голос. Я сначала не поверила. А потом открыла глаза. На меня смотрела жуткая морда. И два круглых глаза, увидеть которые в темноте равносильно кучке на полу.

– Оно гонится или уже отстало? Как думаешь? – сипло повторила тварь, переползая на ветку рядом со мной. Чудовище посмотрело вниз.

– Ч-ч-что? – спросила я, ужасаясь ее оскаленной пасти. – Ч-ч-что гонится?

– То, от чего ты бежала! – просипела тварь, трясясь рядом. На меня смотрели жуткие глаза.

– Я б-б-бежала от т-т-тебя! – едва слышно прошептала я.

– Тьфу ты!– просипела тварь, расслабляясь. Ее хвост свисал вниз. – Смотрю ты крадешься, и я крадусь. Мало ли! Потом ты побежала! Я тоже! Хрен его знает, что ты там увидела! Я в этой части леса впервые!

– Эм… Постой! – пролепетала я, видя, как чудовище начинает сползать вниз, царапая когтями ствол.

– Я из-за тебя чуть не обосрался! – бросила сипло тварь, исчезая.

Я поморгала, изображая маленького совенка. А потом опасливо стала спускаться вниз. Последняя ветка сломалась. И я чебурахнулась прямо в прелую листву.

Схватив свое пальто, я стала отряхивать его от листьев. Так, водительское удостоверение на месте. Ключи на месте! Паспорт с собой!

Я пролистала намокший паспорт, глядя на свою фотографию. Правильно говорят, что страшнее фотографии в паспорте может быть только ее ксерокопия. От себя могу добавить, что страшнее ксерокопии может быть только ксерокопия с ксерокопии.

После того, как я посмотрела на фото, мне стало не так страшно.

Я попыталась сдвинуться с места, чувствуя, что меня за пальто держит корявая ветка. Дерево со светящимися в дупле глазами мерзко хихикало. И подтаскивало меня к себе.

Я отчаянно сопротивлялась, размахивая руками с паспортом.

Внезапно светящиеся глаза дерева посмотрели на мое фото. Послышался противный визг – скрежет. Меня отпустили.

– Никогда не могла бы подумать, что у меня из оружия только фото в паспорте! – выдохнула я, проверяя карманы.

Так, а куда идти? Вокруг все было одинаковым. Одинаковые черные деревья смотрели на меня со всех сторон. Я нашарила в кармане помаду.

Сорвав крышечку, я подошла к дереву. И пометила его, закрутив помаду снова.

Мне жутко хотелось поесть. А ведь мама говорила – поешь на дорожку! Я вспомнила пакет с едой, оставшийся в машине. И расстроенно шмыгнула носом.

Мои шаги шелестели по сухой листве. Чувство нереальности происходящего сменилось усталостью. Мне хотелось присесть где-нибудь и передохнуть. На пальто потерялась одна пуговица. На джинсах была грязь.

Кошки поскреблись на душе. И пошли гадить в желудок.

Мне показалось, или в лесу еще потемнело. Пришлось сбавить шаг. Лес зловеще скрипел. Деревья, словно, ворочались.

Я посмотрела на очередное дерево и закрутила помаду. Ряд индийских деревьев с точками во лбу смотрели на меня с недоумением.

– Джими-джими! Ача-ача! – развела я руками, вспоминая ужасы своей жизни.

Однажды я зашла в комнату, услышав плач. И увидела бывшего мужа в слезах. Он рыдал над индийским кино. Так у меня появился компромат похлеще, чем любовница.

Я прошла еще немного, а потом звонко чихнула.

– Будь здорова! – послышался ужасный голос за спиной. Я застыла сусликом. Сглотнула.

– Потому что больных я не ем! – жутким голосом выдало чудовище. Я обернулась, видя нечто огромное, черное и бесформенное. Я попятилась и зацепилась за услужливо выставленный корень дерева.

Огромная пасть раскрылась. Я закрыла лицо руками, съежилась, как вдруг послышалось мурлыканье.

– Когда я вижу, как ты очкуешь, малыш, ты меня волнуешь, – напевал знакомый голос. – Когда ты ножки вдруг укрываешь… Малыш, ты огорчаешь!

Я распахнула глаза, видя знакомый силуэт.

– Так-так-так! – произнес голос, а я видела черные мокрые волосы и красивые глаза. – Одну минуточку! У меня к ней вопросик! Потом можешь смело ее сожрать! Так вот!

Я увидела, что он переоделся. На этот раз он был в черных лохмотьях, украшенных бриллиантами. Черные мокрые волосы разметались по плечам. Нечисть склонилась ко мне, спрятав руки за спиной. Я внимательно смотрела на какие-то оранжевые подтеки на его волосах и одежде. Один из них нечисть стерла лохматым рукавом.

– Чего сопишь, как ежик? – на губах заиграла улыбка. Монстр, стоящий надо мной, захлопнул слюнявую варежку.

– Правильно, и в сторонку отойди! Не люблю, когда подслушивают! – махнул рукой принц Нечисти.

– Кстати, можно я буду называть тебя ежик? – спросили у меня, смахивая с моих волос листочек.

Я вспомнила горемыку – ежика, а точнее, его останки.

– Тогда я буду звать тебя Лошадка, – мрачно ответила я, пытаясь разгадать тайну оранжевых ляпушек.

– Не буду задерживать, я вижу, что ты спешишь, – улыбнулись мне, склонившись надо мной. Лошадка покосился на чудовище, которое нетерпеливо топталось неподалеку. – Спешишь быть съеденной!

Красивые глаза Лошадки скосились на оранжевую прядь, по которой стекала какая-то бяка. Вовсе не аппетитная. Он стряхнул ее на сухие листья.

– Слушай, ежик. У меня маленькая проблема, – осмотрелся Лошадки, стирая с рукава оранжевую какашку.

– А у меня большая! Большая и зубастая! – возмутилась я, косясь на чудовище.

– Так, вот! Мы не едим тыквенный суп. Вообще. И запеканку тоже. Тыквенный сок мы не пьем! Категорически! – послышался голос Лошадки. И я офигела.

Глава третья. Дорогой, это ты?

Мысль о том, что у меня попросили помощи, слегка меня насторожила. Я с подозрением посмотрела на Лошадку, который ждал от меня ценных указаний. Где-то неподалеку перетаптывался голодный монстр. Он пытался грызть ветку. И кору с дерева. А потом переводил на нас взгляд с неким укором: «Ну вы там долго? А то голодом морите! Не ровен час, я на морковку перейду!».

«Если я откажусь помогать, то есть вероятность, что Нюша ему надоест. И он выбросит ее, как надоевшую игрушку. Тогда тут два варианта. Либо он вернет ее мне…», – я прищурилась на холодные голубые глаза принца Нечисти, пытаясь разглядеть в них если не ответ, то хотя бы намек на него.

«Либо… Бросит ее в лесу. Или убьет! Он же нечисть!», – прошибла меня жуткая мысль. «А если помогу справиться, то выиграю время! И Нюша будет в безопасности. Даже если со мной что-то случится, то есть шанс, что Нюша пристроена!», – я внимательно посмотрела на огромного пушистого монстра, который слонялся по округе. И вздыхал, как девица на выданье. Он попробовал гриб и сплюнул.

На секунду я представила что-то вроде: «Спасибо тебе огромное! Ладно, я вас покидаю! Если что ты лежала тут. А ты стоял здесь! Пасть расширь! О, вот так! Всем пока! А тебе, ежик, прощай!».

Бррр! У меня в планах не было стать чьим-то завтраком. Я точно знаю! У меня в ежедневнике такого нет! Чудовище, присмотревшее меня на завтрак, уныло посасывало палку. Тихо всхлипывая. Мне даже сюда было слышно, как урчит его желудок!

– Вижу, ты совсем отчаялся, раз решил обратиться ко мне, – насмешливо заметила я, немного уводя разговор и принца в сторону. Если мне удастся отойти подальше, то, возможно, убежать будет проще!

– Ну что ж, рассказывай… Лошадь, – участливо произнесла я, осторожно сдвигаясь подальше от предстоящей смерти.

– Так вот, знаешь, от чего я проснулся? – спросили меня. Я старалась не смотреть в льдистые глаза, потихоньку покидая туманную дорогу. – Перенос дался нелегко, поэтому я решил отдохнуть. Я проснулся от того, что у меня во рту – яблоко. Застряло. Мало того, что застряло, так его еще проталкивают. И голосок такой: «Куфай лофадка! Мне подуфка скажала, что ты голодный!».

«Кони в яблоках! Кони серые!», – развернулась душа народным ансамблем.

– Сам виноват. Потерял бдительность, – вздохнула я, украдкой переводя взгляд на его влажные волосы. Такое чувство, словно ему ушат воды на голову опрокинули.

– В итоге. Тыквенный суп – нет. Тыквенную кашу – нет! Запеканку – нет! И сок – нет! Я пытался кормить ее с ложки, – бледная рука вытерла лицо.

Мы отошли на приличное расстояние. Монстр что-то зазевался, пытаясь охотиться на крикливую ворону.

– Рассказываю, – усмехнулась я, осторожно поднимая глаза на влажные локоны. – Берешь большой леденец! Конфету! Показываешь Нюше! Но не даешь! Начнется истерика: «Дай! Дай! Ты меня не любишь!». Сопли, слезы и так далее. Ждешь минуты три. До тихих всхлипов. Потом! Все внимание на меня! Кладешь леденец на стол. Но так, чтобы она рукой не достала. Ставишь перед ней тарелку. Выдаешь ложку. Хорошо кушает – конфету придвигаешь. Плохо кушает – отодвигаешь подальше. Понял?

Лошадка кивнул, а потом обвел взглядом место, в котором мы очутились благодаря моей хитрости. Карканье возмущенной вороны и глухие удары об дерево были почти не слышны.

– Я очень благодарен тебе за помощь, хитрый Ежик! – послышался голос Лошадки. Его наряд шелестел при ходьбе. А я думала, бриллианты настоящие? Или так, стекляшки? Я посмотрела на него внимательно. Мне казалось, что он даже чем-то симпатичный. Хотя нет! Нет! И еще раз нет!

– Диана, – представилась я. – А тебя как?

– Красивое имя. Кэльпи, – послышался голос.

– Спасибо, – мрачно ответила я, пытаясь отойти еще подальше.

– Это я не тебе. У меня красивое имя! Но ты можешь звать меня просто Кэльпи, – рассмеялась Нечисть, которая выглядела, как после душа.

– Ты обвела меня вокруг пальца, – Лошадка улыбался, не разжимая губ.

– Если бы я обвела тебя вокруг пальца, то ты бы сейчас плакал над штампом в паспорте, – ядовито ответила я.

Мы вышли к развилке. На старом, почерневшем указателе сидела дохлая ворона. Две дороги вели в разные стороны. И ни одна мне почему-то не нравилась. Интересно, с чего бы это?

– В лесу очень опасно, – послышался вкрадчивый и очень встревоженный голос. Кэльпи отвел роскошные влажные кудри себе за спину таким жестом, что я украдкой закусила губу. Ну-ну…

– Поэтому, шла бы ты обратно. Я могу вернуть тебя к озеру.

Один взмах руки, как вдруг перед нами появилась знакомая уютная полянка. Золотые листики шуршали и осыпались. Яркие светлячки сновали туда-сюда, напоминая брызги костра.

– Подумай хорошенько, – послышался голос мне на ухо. По сравнению с тем местом, где меня чуть не схомячили, полянка выглядела курортом. – Никому еще не удавалось выжить в этом лесу. Поверь моему опыту. Люди часто приходили в наш мир. Одно время существовало поверье, что я выполняю заветные желания.

Мне на плечо легла рука. Меня насильно развернули в сторону повисшей в воздухе дыры в пространстве, ведущей к озеру.

– И ты их выполняешь? – спросила я, чувствуя, как меня снова разворачивают в сторону выхода.

– В какой-то мере да. Когда из казематов слышится: «Хочу сдохнуть!», я превращаюсь в исполнителя желаний, – прозрачно намекнули мне. – Давай, Ежик, шевели лапками. Считай, что я тебя поблагодарил! Шурши в сторону дома!

– Нет, – отрицательно покачала я головой. И помахала рукой, развеивая чужое заклинание. – Если бы тебе нужна была консультация по воспитанию ребенка, то мог бы перенести меня во дворец…

Хоть бы сработало! Я так на это надеюсь!

– Увы, Ежик. Нет, – послышался разочаровавший меня ответ.

В моем желудке проурчало, я обняла себя двумя руками.

– Проголодалась? На, держи! – послышался участливый голос. Я подняла глаза и увидела в его руке алое яблоко. Огромное, красивое и такое аппетитное. – Не стесняйся. Бери!

«Ничего у него не бери! Иначе это будет считаться оплатой за ребенка!», – прозвучал внутри меня предупреждающий голос. Я отдернула протянутую руку, которая едва не коснулась яблока.

Яблоко рассыпалось золой, просочившись, сквозь его пальцы.

– Почему ты такая упрямая, Ежик! – послышался разочарованный голос. – Отдай мне ребенка по-хорошему. Хочешь, золота? Бриллиантов? Все, что угодно! Любой твой каприз…

– Как только ты возьмешь что-то или попросишь, и тебе дадут, тебя вышвырнет обратно в твой мир,– послышалось над головой хриплое карканье. Мимо нас летела щипанная ворона.

– Ах, вот оно что! – усмехнулась я, отворачиваясь. «Ничего у него не брать! Ничего не брать! Ничего не просить!», – повторяла я мысленно.

– Ежик. Не зли меня. Я ведь могу очень разозлиться! – в глазах полыхнул голубой огонь.

– И что будет, если ты разозлишься? – спросила я, осматриваясь по сторонам.

– Что будет? – поднял красивые брови кэльпи. Он раскинул руки в стороны. И лес превратился в такой ужас, что я даже присела. Деревья стали выше! Они раскрыли жуткие рты. Небо стало непроглядно черным. А отовсюду появились жуткие морды таких тварей, которых я не могла себе представить даже в бреду родильной горячки.

– Миленько, – согласилась я, видя, как все возвращается на свои места.

– Думай, Ежик, думай,– послышался страшный голос. Черная хламида взметнулась в воздухе. А я с удивлением увидела, как что-то упало на траву. Интересно, что это?

– Хорошо, – вздохнула я. – Я подумаю. Обещаю.

Его и правда лучше не злить. То, что я вижу сейчас – курорт по сравнению с тем, что могло бы быть!

– Ах, да! Тебя ждет сюрприз, – послышался голос исчезающего принца. Он растворился в воздухе, пока я смотрела на старинный указатель.

– Тебя тоже, – выдохнула я. «Дай! Дай! Кошаладку!» – слышится в воспоминаниях писклявый голосок. «Ай!!!!», – внезапно орет мужской голос. Маленький поседевший и скрюченный гномик пробирается к ближайшей табуретке. Он с ужасом смотрит на детские ножки, рожденные для футбола и пенальти. И зажимает самое дорогое, что у него есть. То, что случайно перепутали с мячом. Но Нюша у меня – добрая девочка. Поэтому подходит к «дяде с выпученными глазами» и утешает его, вытирая липкие от конфет руки. И шепотом говорит, что очень хочет котенка. Или братика.

Я подошла к тому месту, где мне показалось, что что –то упало. На всякий случай, я обернула руку свитером, и пошарила в траве. Внезапно я нащупала старинный ржавый ключ.

– Чтоб ты был от туалета! Или от единственной комнаты, где тебя не найдет Нюша! – пожелала я, идя направо. Лес редел, чтобы показать мне холм. На холме стоял зловещий дом. Окна у него были заколочены. Доски посерели. Вокруг него виднелись заросли чертополоха и залежи какого-то мусора. И грядка с большими оранжевыми тыквами.

Я подошла к двери, видя ржавую дверную скважину. На всякий случай подергала ручку. Дверь была закрыта.

– Ключ! – вспомнила я, воровато доставая ржавый ключ и вставляя его в замок. Промелькнула мысль, что Нюша здесь! А вдруг он ее действительно запер? Вдруг он держит ее в этом ужасном месте? Иначе, зачем носил бы с собой этот ключ?

Ключ с хрустом провернулся в замке. Дверь со скрипом открылась. Я опасливо вошла в темный коридор. Остаться в лесу на ночь, или предпочесть жуткий дом? Я не знаю. Все такое страшненькое!

– Здесь кто-нибудь есть? – спросила я, слыша, как скрипят под ногами старые доски. Если мне ответят, то я тут же закрываю дверь. И даю деру в лес. Первая дверь была приоткрыта. Я заглянула в нее, видя стол и множество стульев. На столе стояла свечка и тарелка. Рядом лежала салфетка. И бокал с чем-то оранжевым сверкнул хрустальными гранями.

Я принюхалась к тарелке, глотая слюнки. Тыквенная запеканка. Интересно, а можно это есть? Ладно, я подумаю.

Старинные часы на стене пробили полночь. Мне стало страшно за мой мочевой пузырек. Скрипы и шорохи в старом доме напоминали, что отдельного туалета нет. Туалет везде. Особенно, где слышится скрежет и чавканье.

– Ух-ты! Полночь! – всплеснула я руками, вспоминая фильмы ужасов. – А я еще в подвале не была!

Я двинулась искать подвал. И нашла его. Угол пыльного ковра был откинут, обнажая крышку и ручку.

Прямо на подвал упал перевернутый мною шкаф. Сверху на шкаф я водрузила ветхое кресло. Потом притащила тумбочку. И отряхнула руки.

Мне очень хотелось спать. Поэтому я решила устроиться на старинной кровати. Не забыв поставить рядом черную свечку с кухни. Краем уха я слышала, как кто-то бьется обо что-то деревянное. Бьется неумело. Явно непривычно. И, видимо, ругается, на своем, монстрячьем языке.

Тьма собиралась в углах комнаты. Я опасливо смотрела на самый темный угол. Мне уже не первый раз казалось, что там кто-то сидит. И что-то выжидает… Свечка постепенно превращалась в огарок. А потом и вовсе потухла…

Глава четвертая. Давай разделимся!

В голове мелькали девушки с силиконовыми формами, бегущие со скоростью улитки, беременной от черепахи. Раздавался хруст и их предсмертный крик. Из гипноза потихоньку выходили мужики – зрители, следящие безотрывно за прыгающей маечкой.

Я резко села на кровати, глядя в темный угол. Желудок пел жалобные серенады тарелке супа. И страдал неимоверно.

Краем уха я снова уловила шорох в углу. Набросится или нет? Чтобы понимать чудовище нужно думать, как чудовище. Вот, что я бы сделала, сидя в углу?

«Подумала, что меня наказали!»,– жалобно ответила я себе. Нет, не то!

Отчаянная мысль заставила меня замереть! Мир рухнул, как штукатурка в тарелку борща. Я вспомнила тварь, дрожащую рядом на ветке.

– Тебе конец! – послышался ужасающий голос. И свирепое дыхание.

– Так, кто это сказал? – нервно заявила я, резко вставая с кровати. – Где еда?

Для убедительности, я набросила волосы на лицо и вытянула вперед руки.

– Еда-а-а! – сипела я, смачно облизываясь. Желудок урчал, приманивая полные холодильники. – Еда-а-а! Иди сюда! Сожру-у-у!

Шорохи прекратились. Чудовище в углу резко превратилось в интроверта.

– Жра-а-ать! – подвывала я.– Иди ко мне, мой сладкий!

Я обнаглела, подойдя к пугающему углу настолько, насколько это возможно. В углу что-то резко зашуршало. Мое сердце на мгновенье ухнуло вниз, а потом снова вернулось на место.

– Как думаешь, – отвратительным голосом спросила я, делая вид, что всматриваюсь в темноту. – Тебя сожрать сразу или закопать до лучших времен!

– Пошла вон! – взвизгнуло что-то писклявым голоском. И ушуршало в темноту.

Вау! Я расправила плечи. Желудок допел серенаду хот-догу. Я вернулась на кровать и улеглась спать, обдумывая дальнейшие планы. Если честно, то мне все равно было страшно. Но уже не так, как раньше!

Уснуть не удалось. На меня напала какая-то болезненная дремота. Мне казалось, что я сплю у себя дома. Сквозь дрему я чувствовала, как кто-то пытается стянуть с меня одеяло.

– Пшел вон! Мое одеяло! – сипло выдала я, отвешивая пинка бывшему мужу. Нога попала по чему-то мягкому. – Бери свое одеяло из чупакабры и укрывайся им! Нихрена не колючее! Твоя мать на свадьбу подарила, значит не колючее!

Одеяло с меня перестали тянуть. Сквозь дрему я чувствовала отвратительный запах.

– Что? Опять у мамки чеснок жрал? – хрипло произнесла я, ведя плечом. – Отвернись! Не дыши моим воздухом!

Запах исчез. Потом появился другой. Я принюхалась.

– Что? Опять мать гороховый суп варила? Избушка-избушка! Горохом назад! Чесноком вперед! – простонала я, понимая, что поспать мне не дают. А мне же завтра на работу!

Немного полежав, я почувствовала, как на кровати рядом кто-то ворочается.

– Это что за ипподром? Лег в позу мумии! Мне завтра на работу! А тебе нет! – я отодвинула от себя что-то пушистое. – И одеяло из чупакабры убери!

Я отодвинула от себя одеяло из чупакабры, отползая на самый край. Это муж ждет, когда к нему лично явится миллиардер и попросит возглавить корпорацию. А мне завтра на работу! Мне ребенка кормить нечем!

Внезапно по моей коленке прошлась холодная рука. Потом стала игриво поглаживать ногу.

– Слышишь, шмель! – прокашлялась я, сонно отпихивая похотливую волосатую конечность и щетинистый подбородок. – Иди, брей мохнатый хмель! Я кому бритву на двадцать третье февраля дарила?

На мгновенье ласки прекратились. Я успокоилась. Только уляжешься, только задремлешь, как на тебе! В мужике просыпается шустрый некромант!

Начинается разврат и попытки воскрешения. Эдакая кладбищенская оргия со штампом в паспорте!

Однажды я случайно узнала, что у меня есть личная жизнь. Я была уверена, что ее два месяца нет. А она, зараза, была! Причем, была все это время! Но по ночам. Когда я сплю.

Оказывается, шустрый партизан ночью совершал дерзкие диверсии. С мастерством терминатора из жидкого металла, он просачивался ко мне под одеяло. Потом грелся. И начинал свои некромантические заигрывания.

Муж был свято уверен, что отмахиваюсь я от врожденной женской стыдливости. И постанываю от неземного удовольствия.

Так на свет появилась Нюша.

Отбившись от настойчивых заигрываний, мой сонный труп обернулся одеялом и снова погрузился в блаженную дремоту.

Что-то громко упало. Не открывая глаз, я простонала.

– Я все слышу! Нефиг по кастрюлям ложкой лазить! – выдала я, перевернувшись на другой бок. – Поставь суп в холодильник!

Не прошло и пары минут, как со скрипом открылась дверца шкафа.

– Носки в ящике! Трусы в коробке! Штаны на вешалке! – яростно прошипела я в подушку. – Рубашка в стирке. Возьми вторую.

Шкаф пронзительно скрипел, действуя мне на нервы.

– Ты что там? На дверце катаешься? – зевнула я, не открывая глаз. – Тоже мне большевики на воротах Зимнего Дворца! Я сказала, носки в ящике!

Шкаф снова проскрипел.

– Если я сейчас встану… – с угрозой в голосе предупредила я, пытаясь нащупать телефон. И посмотреть время.

Я резко открыла глаза, не узнавая комнату. Из шкафа на меня смотрело перепуганное чудовище. Рядом со мной сидела какая-то мохнатая зараза, прижав лапы к груди. А из-под одеяла резко отдернулась тонкая черная и пушистая рука.

Мгновенья мне хватило, чтобы понять, что я вовсе не дома. Вся комната кишила чудовищами. Вот только шкафный монстр экстренно закрывал дверь, компактно прячась между старой одеждой. Под кроватью что-то шуршало. А нечто, смахивающее на обезьяну, растворялось в воздухе.

Когда я открыла глаза окончательно, в комнате никого не было. Я осмотрелась, и снова уткнулась лицом в подушку. Мне снилось, что нас затопили соседи сверху. И проснулась я от того, что на меня что-то капает! Кап-кап! Прямо мне на лицо.

– Вставай, – знакомый голос был недоволен. Я лениво открыла глаза, видя лицо, нависшее надо мной.

– Принес кофе в постель? – пробурчала я, поворачиваясь на бок. И закрывая глаза. Что-то звякнуло, словно бабушка перебирает свой сервиз. Я распахнула глаза, чувствуя головокружительный запах кофе. Неужели? Реально? Кофе? Кажется, мне начинают нравится лошадки.

Перед глазами появилась кружечка с золотой ручкой. Кружка в чужих руках перевернулась. Струя кофе полилась на старинный матрас рядом со мной.

Я отшатнулась, видя коричневое пятно на ветхой простыне.

– Я положил две ложки сахара, если что, – заметил голос с таким сладким ядом, что все живое в округе должно было сдохнуть в конвульсиях.

Лошадка сегодня встал явно не с того копыта!

Я повернулась, глядя на бледное лицо и странную стрижку. Где-то между тифозник и лишайник. Я поджала губы, вспоминая ряд лысых кукол. И ножницы на полу.

– Что ты сделал с моим ребенком! – я бросилась на него, представляя такие ужасы, от которых материнское сердце едва не оборвалось.

Мои дрожащие руки держали его за сорочку.

– Что ты сделал с Нюшей? – выдохнула я, боясь услышать ответ.

Мои руки брезгливо сняли одну за другой. Мое сердце дрожало заячьим хвостиком.

– Упустим тот факт, что Нюша козявки ест. И лезет целоваться. И сразу перейдем к главному. Где она может спрятать ножницы? – спросили у меня напрямую.

– С ней все в порядке? – дрожащим голосом спросила я. А потом прищурилась. – Точно?

– Где она спрятала ножницы? – смотрели на меня в упор. – Я не могу спать, зная, что они где-то лежат! Мы обыскали весь замок. Она не признается! Просто молчит и обижается.

– Она старалась, – немного успокоилась я, глядя на плешивую стрижку. Волосы медленно отрастали. Как удивительно! Но главное, что с ребенком было все в порядке.

– Ей, видимо мамы не хватает, – тонко намекнула я. – Поэтому маму будут делать из тебя. Вот так лег однажды папой. Клац-клац! А проснулся мамой.

Видимо, перспективы озадачили Лошадку. Поэтому он задумался.

– Спасибо за предупреждение. Обязательно учту, – глаза сощурились на меня. Я вспомнила, как ужас вокруг превращался в лютый кошмар, если его разозлить. – Где она прячет ножницы? Где она может их спрятать?

Меня снова обожгла мысль, что если ножницы не найдут, то у Нюши будут большие неприятности. И не факт, что ее не бросят в лесу на съедение монстрам!

– Я понимаю, что тебе с ней тяжело, – задушевно начала я, понимая, что все это только цветочки. – И у любого терпения есть конец!

– Даже не думай, – негромко ответили мне, покачав головой. – Я не отдам ребенка. Ты не уследила. Теперь ребенок мой. На этом все. Давай, про ножницы.

– Все просто. Берешь еще одни ножницы. Кладешь на видное место. И делаешь вид, что не замечаешь, как она их берет. А потом следишь, куда она их понесла. Там же будут и первые, – недовольным голосом ответила я. И тут же предупредила. – А вот как отобрать вторые ножницы я еще не придумала! Поэтому давай детские и тупые. У нас дома такие есть. Специально для этих целей. И вообще, если с ее головы хоть волос упадет, я… я…

– Что ты? – спросили у меня, вопросительно поднимая брови.

– Выйду за тебя замуж с целью отравлять тебе жизнь, – отмахнулась я, пытаясь все свести в шутку. Что-то я его побаиваюсь.

– Хорошо, попробуем так. Привет, давай познакомимся! Я принц чарующего леса. У меня есть роскошный замок, маленькая дочь, слуги и несметные богатства. Мой отец – бог моря. Мой дядя – бог смерти. Моя мать – богиня плодородия.

Кэльпи сделал паузу, словно задумавшись.

– Ой, что–то я подумал, какой я замечательный. И передумал знакомиться! – с усмешкой произнес Лошадка.

– Не очень–то и хотелось! – заметила я, поглаживая свою самооценку. Как крестный отец своего кота. – Какой бы ни была Нюша, я не откажусь от нее. Помни об этом! Как бы мне тяжело ни было, я не откажусь от своего ребенка!

Принц смотрел на меня пристально и как-то очень многообещающе. А потом растворился в воздухе. Мне пора открывать курсы «Молодого отца».

Я вздохнула, глядя грустными глазами в сторону заколоченного окна. Сердце ревниво екнуло. «Целоваться лезет!». Нет, ну надо же! А меня она ни разу не поцеловала, когда я приехала. Бабушка ей намекала, что можно поцеловать маму. Но брить кошку намного интересней,

чем целовать маму. «Да, пусть!», – машет рукой бабушка, с умилением глядя на уползающую кошку с квадратными глазами.

Я встала. На кровати остались грязные следы. Впервые я спала в ботинках. Покрывало зацепилось за застежку и потянулось на пол. Нацепив на себя пальто, я решила продвигаться к выходу. Идя по длинному коридору, я рассматривала старые портреты на стенах.

Внезапно моя нога куда-то провалилась. Я потеряла равновесие и ухнула в дырку в полу. Зацепившись руками за доски, я мотыляла ногами в воздухе, налегая грудью пол.

– Ыыых! Ыыых! – скреблась я, пытаясь подтянуться. Внезапно за ноги меня кто-то схватил! Я заорала, пытаясь брыкаться. Кто-то тянул меня вниз со страшной силой. Мои руки вцепились в оборванную ковровую дорожку. Было настолько страшно, что у меня сердце едва не выскочило.

Я висела, кричала и звала на помощь. Как вдруг с меня слетел правый ботинок. Он гулко упал в недра подвала. Я потянула воздух носом, чувствуя не самый приятный запах. Мне было очень стыдно.

И тут одна лапа разжалась.

– Сейчас второй сниму! И сдохнешь повторно! – процедила я, пытаясь вылезти. Еще бы! Проходить в ботинках полдня и промочить ноги – это еще то удовольствие!

Глава пятая. Ваше Страхейшество

Моя нога в носке стала пытаться снять второй ботинок. Ну же! Давай! Хлоп! И второй ботинок полетел вниз. Лапы чудовища разжались. Послышался грохот. Словно упал мешок картошки.

Пользуясь случаем, я стала выбираться наверх.

Наконец-то мне удалось закинуть ногу. И на ослабевших руках вытащить неспортивное тельце. Я обессиленно рухнула в коридоре, чувствуя, как все еще дрожат мышцы, и заходится сердце. Скосив глаза на дырявый оранжевый носочек, я выдыхала и успокаивалась. Внезапно из черного провала появилась гнуснейшая рожа. Что-то серое, тощее, похожее на скелет Воландеморта, медленно выбиралось из темноты. Оно было слепым. Поэтому ползло наощупь. Ноздри чудовища жутко раздувались.

Сил бежать уже не было. Я вяло попыталась отползти. Чудовище оживилось! Оно резво ползло за мной. И раскрывало невероятно огромную вертикальную пасть, похожую на старый кошелек на застежке. Только с зубами.

Я пошевелила мокрыми носками под раскрытой пастью. Чудовище принюхалось. Пасть закрылась. Тварь покачнулась и завалилась обратно в свой подвал с грохотом.

– Ты еще не знаешь, как готовит мама моего бывшего мужа, – усмехнулась я, нервно поднимаясь на ноги. – Такое чувство, что у нее в рецепте написано: «К половине взбитой помойки добавить треть кладбища! Дождаться, пока все прокиснет. И подавать к столу!».

Без ботинок было непросто. Я едва не наступила на гвоздь. Я даже не вышла. А вывалилась из дома. Где-то неподалеку ударила молния, озаряя на долю секунды сумрачный лес. Послышался пронзительный вой. И мне стало страшно за моего ребенка. Неужели Нюша разозлила его до такой степени, что…

Мое сердце сжалось. Нужно быстрее найти ее. А потом… Потом… Потом придумаю, что делать!

Мне срочно нужен гороскоп для невротиков! Я невротик, но держусь!

Каждый шаг причинял мне дикую боль. Поэтому шла я медленно, словно меня послали в известном и неприличном направлении.

Теперь я знала, чем хороший фильм ужасов отличался от плохого. В плохом каждую секунду монстр кого-то жрет, текут реки крови, и слышатся пронзительные крики. В хорошем можно обделаться от мышки, пробегающей по своим мышиным делам.

– Ой! Ай-я-яй! – подпрыгивала я на каждом камушке.

С горем пополам я вышла к развилке дорог. Туман заволок дорогу почти полностью. На дороге стояла маленькая скрюченная бабка в черном рубище. В руках бабки была клюка.

– Девонька, совсем глазами стала слепая стала… Не почитаешь мне, что тут написано? – проскрипела бабка.

Я помнила добрых бабушек из фильмов ужасов. Поэтому решила держаться на безопасном расстоянии. Пенсия – еще не повод есть людей.

– Так, – заметил во мне почетный тимуровец, читая указатели. – Ужасный конец – направо. Жуткая смерть – налево. Мучительная кончина прямо. Если идти обратно, то попадешь в скоропостижную гибель. Вам куда нужно?

– Я еще не решила! Спасибо тебе, девочка, – послышался скрипучий голосок. Вместо меня ответил мой урчащий желудок. Теперь в любой непонятной ситуации он мой пресс – секретарь!

– Ты что? Голодна? Вот, держи! – прошамкала бабушка, шелестя своей рваниной.

Старуха полезла в рукав и протянула мне красивый пряник. Желудок радостно перекувыркнулся.

– Не бойся. Я тебя не трону, – предупредила старуха. В ее костлявой руке дрожала сладость. – Бери! Поешь хоть!

Я смотрела на пряник и мысленно облизывалась. Под ложечкой невыносимо сосало. Брать или не брать?

Моя рука непроизвольно тянулась к красивому угощению. Бабушка стояла, опустив голову. С ее седых волос стекали капли воды. Я резко отдернула руку, словно обожглась.

– Как тебе не стыдно! – возмутилась я, глядя на то, как бабушка распрямляется и увеличивается в размерах. В черном дыму вырисовывался совсем другой силуэт. Драная мантия прошелестела, а на меня снова посмотрели холодные нечеловеческие глаза.

– Раскусила, – послышался знакомый голос, полный досады. Но на губах Кэльпи была улыбка.

– А лучше бы пополам, – обиделась я. – Ну как? Еще не наигрался?

– Дети – это не игрушки, – произнес принц этого места, которое впору назвать задницей. – И вообще, кто разрешил обращаться к божеству на ты? Ваше Темнейшество, Ваше Кровейшество, Ваше Ужасайшество… Выбирай.

– О! Я могу сама выбрать? – обрадовалась я, глядя на плащ. – Отлично. Я буду звать вас Ваше Страхейшество! Только учтите, букву «эс» я иногда глотаю, так что… Итак, ваше С… трахейшество, могу ли я задать вам один вопрос? Просто меня терзают смутные сомнения. Ваша мантия была такой драной до встречи с Нюшей. Или …

– Или, – мрачно ответил принц. Он приблизился ко мне и взял меня за подбородок. – Неужели ты меня не боишься?

– А что? Нужно? – устало спросила я, урча желудком и отодвигаясь. – Нет, если нужно, я буду! Ты только скажи, как тебя правильно бояться.

– Обнаженной, – послышался смешок. Я подняла брови и задумалась.

– Итак, уссатый нянь, – фыркнула я, пытаясь скрыть свой страх. Нервным жестом я скрестила руки на груди. – Я так понимаю, что ты не собираешься возвращать мне моего ребенка?

– Твоей дочери выпала честь стать принцессой Ужаса и Кошмара, – развел руками Лошадка. – А что ты можешь ей предложить?

– Она у меня была властелином моей нервной системы! – заметила я. Еще немного и я сорвусь в слезы. – Возьми другого ребенка! В мире миллионы ненужных детей!

Мой голос дрогнул. Ну еще бы! Тоже мне, ювенальная юстиция!

– Прекрати! Терпеть не могу слезы, – послышался раздраженный голос. – Меня невозможно пронять соплями! Ежик, не нервируй меня. Не доставай меня. У меня сейчас просто руки не доходят тобой заняться. По факту ты – нарушитель. Тебя здесь быть не должно. Ничего, скоро я тобой займусь.

– Я что? Похожа на секс? – шмыгнула носом я.

– Ты похожа на человека, который забрел туда, куда забредать не должен. Человека, которого я обязан убить на месте. И ты жива исключительно потому, что я не могу справиться с принцессой. Горько? Зато честно, – на меня посмотрели с насмешливым участием.

После бабушки я, считай, бессмертна!

– Покажите мне ее!– взмолилась я, глядя в глаза принцу. В последнее время он у меня из головы не выходит. Даже покурить. Особенно тот жест, когда он смотрит- смотрит на тебя, а потом сощуривает глаза, чтобы опять распахнуть.

– Хорошо, – отвернулись от меня, шелестя своими лохмотьями. Я представила юного модельера с высунутым языком, кромсающего королевскую мантию.

Кэльпи театрально закатил глаза. И щелкнул пальцами. Прямо в воздухе повисла картинка. Сердце ухнуло от счастья, когда я увидела Нюшу. А потом замерло от ужаса. Грязная,

рыдающая Нюша стояла возле какой-то стены в чудовищно порванном платье. От ее руки в сторону тянулась цепь.

– А! – выдохнула я, с возмущением глядя на принца. – Ты соврал мне! Ты держишь ребенка в заложниках!

Нечеловеческие глаза Кэльпи расширились. Он бросил взгляд на рыдающую Нюшу, громыхающую цепью. И тут же растворился в воздухе. Картинка медленно испарялась.

– Не отдам! Я маленькое пердение! – орала Нюша. Даже на потолке виднелись ее следы. – Шмотли, как я умею! Шмотли!

После этого картинка оборвалась. Маленькое «пердение» исчезло. Чтобы понимать Нюшу после бабушки нужен переводчик.

– Гуд найт, свит принц,– прокашлялась я, приходя немного в себя. – Так, куда пойти?

Мои глаза уставились на указатели. Я перечитала перспективы. И поежилась.

Послышалось ржание лошади. Я перепугалась и заметалась. На перекресток вынесло огромного черного коня. На котором сидел всадник без головы. Драный плащ развевался на скаку.

Всадник заметил меня. И притормозил.

– Спинным мозгом чувствую, что баба! Голову мою не видела? – голосом из прямой кишки спросил он, почему-то приподнимаясь на стременах.

– Н-н-нет, – простучала зубами я, видя, как чудовищный конь выдыхает клубы пара. И как горят красные глаза лошадки.

Внезапно всадник снова привстал на стременах.

– Если увидишь, дай знать! – снова произнес голос. И всадник опять сел в седло.

– Ой, а вы не подскажите, как попасть во дворец? – спохватилась я, когда всадник уже собирался тронуться.

– Что? – привстал в седле всадник, чтобы снова сесть.

– Во дворец, к принцу, – пояснила я, почему-то размахивая руками.

– Иди ты на ужасный конец! – снова привстал в седле всадник. – Все, у меня задница болит с тобой разговаривать!

Конь заржал, встал на дыбы. Правильно говорят, что у мужчины два мозга. И тут управление явно передано нижнему. Мысль о том, чем он научился разговаривать, и где найти этого чудного логопеда, на мгновенье заставила меня посмотреть ему вслед.

Топот коня удалялся. А завеса тумана снова срасталась.

– Пойду – ка я на ужасный конец! – решилась я, слыша или завывания ветра. Или результаты воспитательного процесса над Лошадкой.

– Неее! Не пойду! – внезапно передумала я, пытаясь представить ужасы.

Подумав немного, я сделала шаг в сторону ужасного конца.

– Нет, – снова поежилась я, топчась на месте.

Взяв себя в руки я опасливо двинулась в нужном направлении. Мне уже самой было интересно посмотреть на ужасный конец.

Дорога петляла. Перед каждым поворотом я трусливо останавливалась, в надежде, что покажется хоть кончик ужасного конца. Дорога вывела меня сначала из себя. А потом на огромное поле. Перед полем стояло пугало. Женского пола. Вместо головы у пугала была тыква. А на самом пугале висело платье. Я посмотрела на платье. Потом на грязное и мокрое пальто. Здесь как бы не холодно!

Тыква упала мне на ноги и раскололась. Платье было стянуто. Под пугалом из земли торчали чьи-то костлявые ноги. А на них были… туфли! На каблуках!

Я осмотрелась по сторонам. Раздевать покойников – не мое основное хобби. Поэтому я осторожно и брезгливо стянула одну туфельку. А потом вторую.

– А ничего так, – согласилась я, осматривая свои ноги. Сначала шли носки. Потом туфли. Эдакая провинциальная золушка в мире ужаса. – Сойдет!

Если что – буду ужасом модельера! Платье выглядело так, словно за мной успешно гнался бультерьер. Но других вариантов не было, поэтому, я осторожно двинулась по полю. Внезапно передо мной прямо из земли появилась зеленая рука. Следом вторая, но чуть подальше.

– Прямо, как саммит ООН! – ужаснулась я, видя сотни рук вокруг. – Вот так приличная женщина пошла по рукам!

Осторожно обходя чужие конечности, я двигалась через поле. Как вдруг меня кто-то схватил за щиколотки. Две зеленые руки вцепились в мои ноги.

– Аааа!!! – запищала я, пытаясь их стряхнуть. Но тут в мое платье и волосы вцепилось еще что-то, вызывая у меня новый прилив вокальных способностей. – Аааа!!!

– Попалась! – послышался триумфальный бархатный мужской голос со зловещими нотками. Мне по голове чем-то били. Кажется, это были крылья. Я отмахивалась, вертела головой, видя жуткую летучую мышь, размером с упитанную кошку.

– Пусти! – трепыхалась я, пытаясь сбить с себя эту гадость.

– Тебе конец! – все тем же зловещим голосом сообщила летучая мышь, пытаясь меня поднять.

Обычно после фразы «тебе конец!», герои – мужчины правильной героической ориентации начинают резко сопротивляться. У них открывается второе героические дыхание и прочие навыки, которые до этого они видели только на картинке или в кино!

Но я себя героем не чувствовала. А последнее, что я видела в кино, так это похождение розовой свинки, зачатой от камбалы. И ее поездку в гости к бабушке. К сожалению, мне это не очень пригодилось!

– Я утащу тебя в свой замок и выпью всю кровь! – слышался за спиной голос летучей мыши.

Летучая мышь пыталась меня поднять, но снизу меня крепко держали зеленые руки.

– Ыых! Ыыых! – слышался напряженный голос мыши. Я попыталась обернуться, видя красные выпученные глаза. – Ыыых! Ыыыых!

– Держите крепче, – умоляла я зеленые холодные руки. – Еще крепче! Он почти выдохся!

– Ну ты и толстая! Уууффффф!– слышался надрывный мужской голос за спиной. – Жрать меньше надо!

Глава шестая. Граф Ахула

Летучая мышь тянул меня изо всех сил. Сначала просто тянула. Потом уже кожилился.

– Иииииих! – причитал мышь. И мне показалось, что он плакал.

Пару рывков увенчались полным мышиным поражением.

Судя по стонам и кряхтению, скоро я буду принимать маленьких кровожадных мышат. Стану мышиной акушеркой. А поскольку мышь – самец, то жизнь у бедняжек будет через то место, из которого они появились на свет.

– Ты хоть подпрыгни, что ли! – обиженным голосом произнес летучий мышкин. – А лучше возьми разбег!

– Тоже мне, кукурузник! – выдохнула я. Сейчас не мышь угрожает моей жизни. Сейчас я угрожаю мышиному здоровью.

Кто-нибудь пристрелите мое воображение! Я видела себя бегущей по полю. Целеустремленно и шустро. Расставив руки в стороны. Маленьким самолетиком! А надо мной надрывалась мышь, пытаясь поднять меня в воздух.

– Может, погода нелетная? – участливо предположила я, глядя на красные выпученные глаза с прожилками напряжения.

– Нет, все потому, что ты дергаешься! Стой ровно! – кряхтел мышкин, пытаясь поднять меня в воздух. И путаясь в моих волосах. – Я утащу тебя в свой замок и растерзаю! Выпью из тебя всю кровь! Или сделаю невестой! Я еще не решил!

Кто-то явно мало крови пил. Мне уже было жаль мужика, который отчаянно бил крыльями мне по ушам.

– Ну? Как успехи? – съязвила я, слыша протяжное «мммммм!» с отчаянным рывком. – Может, на лапки поплюешь?

– Нет, чтобы спортом занялась! Или на диету села, – отдувался вампир. – Ты когда в последний раз на весах стояла? А с виду тоненькая. Нет, ну надо же! Может, у тебя кость тяжелая? Пальцы растопырь! И руки раскинь! Может, так легче пойдет!

Я посмотрела себе под ноги. Зеленые руки с фрагментами костей крепко держали мои ноги.

– Тебя как зовут? – осипшим голосом спросил вампир, передыхая на моем плече.

«Посадил дед репку!», – нараспев произнесла память, листая детскую сказку.

– Зови меня нежно. Репка, – вздохнула я, видя маленькие клычки у вампира.

– Нет, я настаиваю, чтобы ты подпрыгнула! Не каждый день тебя пытается похитить древний вампир! – обиделся мышь, снова взлетая вверх. – То, что в моих штанах мечтает увидеть каждая девушка!

Судя по мучительным звукам, то, что в штанах у бедняги мечтает увидеть только лаборант и только в коробочке с фамилией.

– Дай-ка угадаю! – не выдержала я. – Там есть буква «п»?

Мышь задумался. И ответил, что есть. И она – первая!

– «Е»? – спросила я, чувствуя, как меня дергают за волосы. – «Н»? «И»? «С»?

– Есть! – гордо заметил мышь. – Верно мыслишь, Репка…

– Пен… пен… – начала я, прищуриваясь вдаль. – Пен…

– И? – заметил мышь, теша мужскую самооценку.

– Пенсионный! – радостно выдала я, а меня снова дернули вверх.

– Помаши руками! – потребовал мышь, отчаянно размахивая крыльями. Я расставила руки и помахала. Сжалилась над беднягой.

– Плохо машешь! Маши сильнее! – требовал вампир. – И пальцы растопырь!

– Я могу еще ресницами похлопать! – со скрытой издевкой сообщила я, слыша душераздирающие стоны. – Ну как? Легче?

– Ладно, стой здесь! Никуда не уходи! – строго произнес вампир, мечтающий меня растерзать в своем замке. – Поняла? Чтобы я тебя потом не искал! А я пока слетаю за подкреплением!

– Еще мышей приведешь? – спросила я, понимая, что стоять на месте не собираюсь.

– Нет, подкреплюсь кем-нибудь и вернусь! – меня отпустили и улетели.

Стоило мышке скрыться в ночном небе, как я бросилась отцеплять холодные пальцы. Одну руку я отцепила. А вот вторую пока нет. Сняв туфельку со шпилькой с освободившейся ноги, я стала бить ею зеленую мертвую руку и окрестности.

Наконец-то моя нога была свобода! Я попыталась выдернуть каблук из земли. Но он не выдирался. Я потянула сильнее. Как вдруг послышалось заутробное рычание. «Аррр! Аррр!»,– выдавал кто-то. Резко обернувшись, я увидела, что по полю кто-то идет. Причем, группой. Стоило мне посмотреть вниз, как я увидела просевшую землю и зомби, который пытается выбраться на поверхность.

Мой тревожный взгляд отследил тех, кто приближался мне с тыла. Возглавлял колонну зомби – принц. Он был в истлевшем белом мундире с короной на голове.

– Аррр! – рычал принц. Рядом с ним стали появляться другие ходячие мертвецы. Они выбирались на поверхность. С них сыпались комья земли. Зомби вставали и рычали, протягивая руки в мою сторону.

Так, это что за кладбище несбывшихся надежд?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.